

1110.
ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ІЮНЬ.

№ 15.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДЭЗИ.
ТЕПЛОМЪ ПОВѢЯЛО.
НАЙДѢНЫШЪ (повѣсть).
ВЕСНА! ВЕСНА!
У МОРЯ.
СЛУЧАЙ СЪ ЛЯГУШКОЙ.
НЕ ВЪ БОГАТСТВѢ СЧАСТЬЕ.
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ
И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Дача» для склеиванія.
Выкройка жакета для дѣвочки.

1900

REPUBLIC OF THE PHILIPPINES

DEPARTMENT OF AGRICULTURE

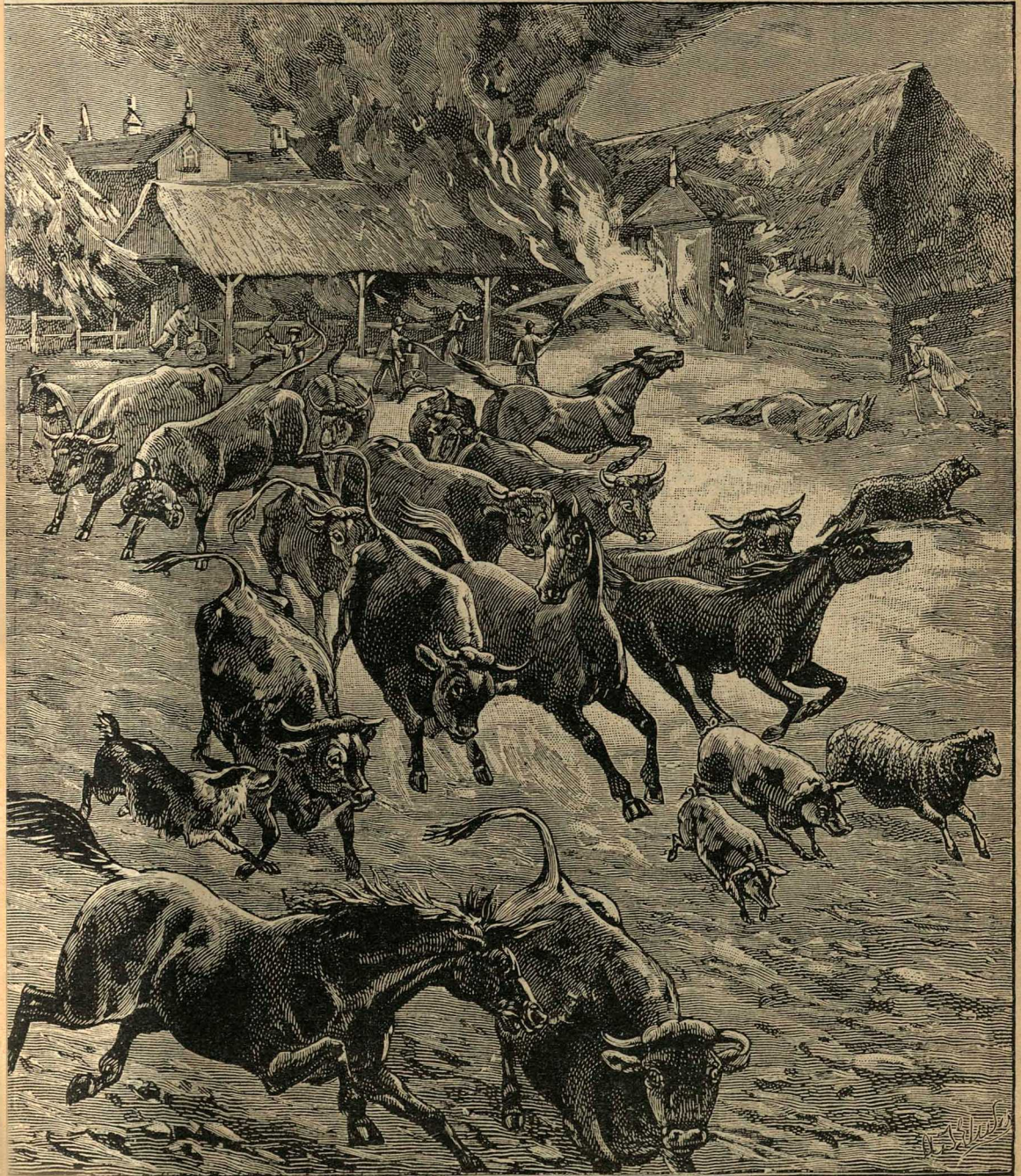
OFFICE OF THE

SECRETARY
OF AGRICULTURE
AND
FORESTRY
MANILA

1900

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

...Испуганный скоть снова опрометью бросился къ рѣкѣ.

Д Э З И.

Пришла скотница Анисья и пожаловалась папѣ, что 12-ти лѣтній подпасокъ Гришка курить прямо въ скотномъ дворѣ, гдѣ много соломы, такъ что того и гляди его подожжетъ. Папа вызвалъ Гришку къ себѣ и сказалъ ему, что въ его усадьбѣ не курить никто, что это вредно, и что если онъ ужъ такъ хочетъ курить, то пусть дѣлаетъ это гдѣ-нибудь въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

Гришка солгалъ, что онъ не курить вовсе и что это наговорила на него Анисья изъ неприязни, и ушелъ со стадомъ въ поле.

Рядомъ со скотнымъ дворомъ у насъ была конюшня, въ которой стояли четыре лошади, двѣ выѣздныя и двѣ для работы по усадьбѣ. Тутъ-же, въ отдѣльномъ денничкѣ, стояла также и старая-престарая лошадь нашей покойной мамы, Дэзи. На этой лошади любила кататься наша мама, когда еще насъ съ братомъ не было на свѣтѣ. У нея уже вовсе не было зубовъ, шерсть на ней повылѣзла и она мирно доживала у насъ свой вѣкъ. Папа очень любилъ ее, такъ какъ никогда не могъ забыть о мамѣ, и она ему напоминала о тѣхъ дняхъ, когда онъ былъ еще молодымъ и рядомъ съ мамой катался верхомъ. Мы тоже относились къ ней съ большимъ почтеніемъ и всякій разъ какъ входили въ конюшню,

она просовывала голову изъ своего денничка и привѣтствовала насъ:

— Го-го-го-го!

Папа рассказывалъ намъ, что Дэзи была когда-то чрезвычайно умна. Она обладала способностью угадывать время, различать цвѣта, узнавать не только своихъ, но и чужихъ, и при этомъ друзей нашей семьи встрѣчала радостнымъ ржаньемъ, а отъ враговъ отворачивала морду. Когда ей читали стихи, то она поднимала уши и дѣлала видъ, точно слушала ихъ со вниманіемъ, а когда ее шутя бранили, то она закрывала глаза, точно сознавала за собой вину. Движеніемъ головы она отвѣчала на вопросы, какъ это дѣлаемъ мы, не желая словами отвѣтить «да» или «нѣтъ», ударами ноги она отсчитывала часы. Когда мама говорила ей:—«Дэзи, ты сегодня больна», то она растопыривала безнадежно ноги, опускала печально голову, шаталась и медленно и неуклюже опускалась на землю и лежала, какъ тяжело больная. Когда-же мама вдругъ ободряла ее и говорила:—«Дэзи, ты выздоровѣла, ты совсѣмъ здорова!», то Дэзи вскакивала на ноги, весело ржала и, рѣзвая и бодрая, готова была въ путь. Иногда ее подводили къ окну нашего дома, выходившему изъ гостиной; тогда мама играла на рояли, а Дэзи красиво танцевала

подъ тактъ. Затѣмъ папа выходилъ на крыльцо съ охотничьимъ рогомъ и трубилъ въ него. Дѣзи радостно ржала, поднималась на заднія ноги и на заднихъ ногахъ уходила къ себѣ въ конюшню.

Но Дези была очень пуглива. Она пугалась непривычнаго голоса, неизвѣстной вещи, рубашки, вывѣшенной для просушки на веревкѣ. Она боялась входить въ рѣку, тогда какъ другія лошади охотно вбѣгали въ нее, чтобы купаться; когда сверкала молнія и гремѣлъ громъ, она дрожала и отъ страха не двигалась съ мѣста. Эта-то пугливость и сыграла въ ея жизни тяжелую роль.

Я крѣпко спалъ, когда почувствовалъ вдругъ, что кто-то толкаетъ меня въ плечо. Я открылъ глаза и при какомъ-то странномъ освѣщеніи, точно была заря, увидаль около себя няню. Звонилъ колоколь у насъ на заднемъ дворѣ и ему отвѣчалъ колоколь на церковной колокольнѣ села, находившагося по ту сторону рѣки. Доносились какой-то особый шумъ и крики многихъ голосовъ.

— Ты только не пугайся, Сереженька, говорила мнѣ няня.—Ничего, Богъ помилуетъ!.. У насъ пожаръ!

Я почувствовалъ, какъ у меня похолодѣло подъ сердцемъ, и не помню, какъ сталъ надѣвать на себя чулки. Несмотря на то, что у насъ въ дѣтской были спущены на окнахъ бѣлыя коленкоровыя шторы, вся противоположная стѣна была окрашена

въ яркій красный цвѣтъ и на самыхъ занавѣскахъ отражались оконныя рамы.

Брата Коли уже не было на кровати, очевидно онъ одѣлся уже и ушелъ на пожаръ.

Дрожавшими руками и, слыша, какъ стучали отъ неожиданности и отъ страха мои зубы, я отдернулъ штору и выглянулъ въ окно. Изъ-за старыхъ липъ, окружавшихъ нашъ паркъ, вырывалось пламя и миллионы искръ поднимались къ небу. Все небо было красное и крестъ на колокольнѣ нашего села, тоже виднѣвшійся изъ-за липъ, горѣлъ такъ, точно былъ сдѣланъ изъ расплавленного металла.

Я накинулъ на себя пальтишко и побѣжалъ на задній дворъ. Здѣсь я къ ужасу своему увидаль, что горѣли наши конюшни. Пламя уже вырывалось сквозь крышу и искры фонтаномъ поднимались кверху. Вокругъ скотнаго двора стояли и бѣгали мужики, суетился и кричалъ о чемъ-то папа и наша пожарная машина съ шипѣньемъ выбрасывала на огонь струю воды. Бабы и дѣвушки бѣгомъ таскали на коромыслахъ ведра съ водою, но привезти воды на лошадахъ было невозможно, такъ какъ всѣ лошади находились въ горѣвшей конюшнѣ и вывести ихъ оттуда было нельзя.

— Воды! Воды! кричалъ папа.— Давайте сюда воды! Кто изъ васъ посмѣлѣе, вбѣгите въ конюшню и отоприте въ ней денники!

— Страсти-то, страсти Господни... вздыхала какая-то старуха, державшая образъ Спасителя прямо противъ самага огня.—Сгорить бѣдная скотина, сгорить...

— Да давайте-же сюда воды! вдругъ снова раздался голосъ папы.

Дѣвушки и бабы побѣжали съ ведрами къ нему, онъ схватилъ въ руки пожарную трубу и сталъ поливать изъ нея огонь, начавшій уже пробиваться сквозь дверь.

— Качайте дружиѣ! Давайте скорѣе ломъ!

Кругомъ, и надъ самымъ огнемъ летали встревоженныя пожаромъ птицы, изъ конюшни и изъ горѣвшаго скотнаго двора доносились отчаянные вопли и ревъ животныхъ, лаяли и выли собаки, блеяли овцы, визжали свиньи и надъ всѣмъ этимъ раздавались немолчные звуки нашего рабочаго колокола и набата на сельской колокольнѣ:

— Бемъ-бемъ-бемъ-бемъ!..

Трескъ огня, шипѣніе пожарной кишки, громадное пламя, милліоны искръ, этотъ набатъ, крики людей и скота,—все это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Я стоялъ вдалекѣ, крестился, дрожалъ и то и дѣло повторялъ:

— Господи!.. Господи!.. Что-же это такое?..

Затѣмъ раздался стукъ топора и лома, ворота въ скотный дворъ отворились, оттуда хлынуло цѣлое море огня и вслѣдъ затѣмъ изъ нихъ, сломя голову и не зная куда, выбѣжа-

ло все стадо. Задравъ хвосты, въ чудовищномъ ужасѣ оно несло бѣшено прочь отъ пожара, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ и иногда напарываясь на изгородь и на стоявшія на дворѣ распряженныя телѣги. Пробѣжавъ черезъ дворъ, обезумѣвшее стадо бросилось къ рѣкѣ и, сбѣжавъ съ крутого берега, всюю массою ринулось въ воду.

— Не пускайте овецъ и свиней! раздался голосъ папы.—Онъ перетонуть въ рѣкѣ!

Но не пустить ихъ было нельзя, такъ какъ страхъ ихъ былъ сильнѣе, чѣмъ голосъ сотни человѣкъ, и вмѣстѣ съ крупнымъ скотомъ бросились въ рѣку и онѣ.

Но гдѣ-же Дѣзи? Гдѣ эта благородная лошадка нашей покойной мамы?

Папа направляетъ струю воды прямо въ конюшню, входитъ въ нее самъ и слышитъ жалобное, старческое ржанье несчастной Дѣзи. Дымъ ослѣпляетъ ему глаза, потолокъ готовъ ужъ обвалиться на него, но онъ ползкомъ добирается до ея денничка, отпираетъ его, входитъ къ ней и отвязываетъ ее отъ яслей. Кругомъ него огонь, искры, дымъ...

— Воды! Воды! слышенъ его голосъ изъ конюшни.—Поливайте водю не огонь, а дымъ... Мнѣ нечѣмъ дышать!

Двое рабочихъ направляютъ въ конюшню пожарную кишку и начинаютъ изъ нея поливать.

Проходитъ нѣсколько мучительныхъ секундъ.

— Бемъ-бемъ-бемъ-бемъ... звонятъ колокола.

Наконецъ у двери, весь скорчившись и пригнувшись отъ дыма къ землѣ, показывается папа. Онъ ведетъ за собою Дэзи, которая упирается и не идетъ.

— Да скорѣе, баринъ! раздаются вдругъ голоса.—Развѣ не видишь, что сейчасъ рухнетъ потолокъ?

Папа дѣлаетъ усилія и наконецъ вытаскиваетъ Дэзи наружу. Она проходитъ нѣсколько шаговъ впередъ и вдругъ всѣмъ тѣломъ падаетъ на землю и издыхаетъ. Вслѣдъ затѣмъ, мокрый, обезумѣвшій отъ страха скотъ возвращается съ рѣки, подбѣгаетъ къ пылающему скотному двору и пытается вновь въ него вбѣжать.

— Прочь! Прочь! кричатъ на него папа и мужики.—Гоните его отсюда вонъ! Бабы, дѣвки, чего вы смотрите?

Раздаются гиканья, свистки, хлопанье бича и испуганный скотъ снова безъ толку и опрометью несется къ рѣкѣ.

Я подхожу къ бѣдной Дэзи и наклоняюсь надъ ней. Боже мой, что въ ней случилось! Ея морда обгорѣла, грива спалена огнемъ и когда-то благородные, свѣтившіеся умомъ глаза представляютъ собою какую-то странную безформенную массу.

Бѣдная Дэзи!

Къ утру пожаръ кончается, начинается разсвѣтъ и отъ пепелища под-

нимается сизый дымъ. Скотъ попрежнему стоитъ по брюхо въ рѣкѣ, мужики и бабы уже разошлись и только одинъ папа, весь черный отъ сажи и прокопѣлый въ дыму, съ высоко засученными рукавами и въ большихъ сапогахъ ходитъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Колей вокругъ тлѣющихъ углей и озабоченно приглядывается къ каждому обгорѣвшему бревну. Затѣмъ онъ подходитъ къ Дэзи и тихо опускается передъ ней на одно колѣно. Я подбѣгаю къ нему, обнимаю его за шею и вижу, какъ по его щекамъ катятся слезы.

— Бѣдняжка Дэзи!.. говоритъ онъ и вздыхаетъ глубоко-глубоко.—Такого-ли ты ожидала конца?

И по тому тону, съ какимъ были сказаны эти слова, я понялъ, что эта лошадь была для него дорогимъ, незамѣнимымъ воспоминаніемъ о нашей покойной мамѣ, которую онъ такъ любилъ.

Затѣмъ я и Коля отправляемся спать. Няня укладываетъ меня въ постель, я дрожу отъ утренней росы и она укрываетъ меня одѣяломъ съ головой. Когда я просыпаюсь, то слышу внизу чьи-то громкіе голоса. Я подбѣгаю къ лѣстницѣ и заглядываю внизъ.

Это скотница Анисья и буфетный мужикъ Гаврила на всѣ корки разносятъ подпaska Гришку, который такъ неосторожно сжегъ нашъ скотный дворъ.

Онъ горько плачетъ и не отвѣчаетъ ничего.

С. Вершининъ.

ТЕПЛОМЪ ПОВѢЯЛО.

Послѣ долгихъ дней ненастья
Стало вдругъ тепло,
Всюду зелень, радость, счастье
И свѣтло, свѣтло.

Въ полдень все въ лѣсу въ покоѣ
Листъ не шелохнѣтъ,
Отъ валежника и хвои
Смолкой вдругъ пахнѣтъ.

За зеленою листвою
Даль ужъ не видна...
Сколько радости съ собою
Ты несешь, весна!

Мы въ саду съ утра до ночи
Мать не дозовѣтъ,
А когда сомкнемъ мы очи,
Соловей поѣтъ.

Онъ поѣтъ и намъ не спится,
Слушаемъ, нѣтъ сна...
А когда заснемъ, то снится
Милая весна.

Кузнечикъ.

НАЙДѢНЫШЪ.

(Повѣсть).

Это было въ Сѣверной Франціи, въ Эльзасѣ, въ началѣ января 1794 года, когда вся Франція была объята ужасами бунта, когда ея король и королева были схвачены и казнены и когда многія знатныя семьи должны были бросить все свое имущество и, переодѣвшись, спастись за границу, чтобы только избѣжать смертной казни или тюрьмы.

Въ это страшное время въ Эльзасѣ было спокойно и мѣстные жители мирно приготавливались встрѣтить сочельникъ подѣ Крещенье, для чего,

по мѣстному обычаю, пекли пироги и готовили вкусныя печенья.

Съ самаго утра всѣ четверо дѣтей лѣсного сторожа Ивана Хеллера были заняты дѣломъ. Старшая сестра, дѣвушка, мѣсила тѣсто для пирога, а младшіе братья ей помогали или имъ казалось, что они ей помогали, такъ какъ она то и дѣло морщилась, боясь, чтобы они чего-нибудь не разбили или не положили себѣ въ ротъ. Звали ее Гретхенъ. Высоко засучивъ рукава и надѣвъ на себя бумажный передникъ, она стояла передъ открытымъ

окошкомъ, чтобы не согрѣлось тѣсто, и раскатавъ его въ пышку, клала въ него масло и снова его складывала конвертомъ и раскатывала вновь.

— Дай мнѣ изюминку! приставаль къ ней братъ.

— Ни за что на свѣтѣ, отвѣчала она.— Можешь уходить!

Братишка дѣлалъ гримасу и его мѣсто тотчасъ-же занималъ другой.

— Позволь мнѣ лизнуть варенья... упрашивалъ ее и онъ.— Вѣдь у меня не хватаетъ силъ дожидаться.

— Ни за что не дамъ! крикнула Гретхень.— Когда я просила васъ набрать въ лѣсу сухихъ сучьевъ и принести сюда, такъ не хотѣли, а теперь лѣзете со своими носами!.. Нѣтъ, не получите ничего!

— Такъ мы пойдемъ въ лѣсъ сейчасъ! отвѣтили мальчики.

И, громко затопавъ ногами, они побѣжали изъ комнаты въ лѣсъ. Высунувшись изъ окошка, Гретхень увидала, что они усердно собираютъ сучья, и приготовила для каждаго изъ нихъ по горсточкѣ изюму. Затѣмъ она позвала:— «Сюзель!»

Изъ хлѣва, откуда доносилось бляеніе козы, вышла дѣвочка лѣтъ шести.

— Запри дверь и подай мнѣ сюда ключъ, сказала ей Гретхень.

Дѣвочка хотѣла было исполнить приказаніе сестры, но замокъ такъ заржавѣлъ, что она не въ силахъ была повернуть ключъ.

— Ну, хорошо, продолжала Гретхень,— оставь дверь такъ, какъ она

есть, и сходи въ кладовую, возьми тамъ овса и покорми куръ. Мнѣ нельзя оставить тѣсто!

Дѣвочка взяла корзиночку, отправилась въ кладовую и скоро у курятника послышался ея тоненькій голосокъ:— «Цыпъ, цыпъ, цыпъ...»

Всѣмъ домою управляла Гретхень. Полтора года тому назадъ умерла ея мать и всѣ заботы по хозяйству и о дѣтяхъ легли на нее. Ея отецъ цѣлые дни проводилъ по своимъ обязанностямъ далеко въ лѣсу и, едва достигнувъ 16-ти лѣтъ, Гретхень уже должна была позаботиться и о немъ, и о дѣтяхъ, и о животныхъ и хозяйствѣ.

Это была милая, скромная дѣвушка, не знавшая, что такое усталость, и цѣлые дни готовая трудиться. Цѣлые дни она весело и беззаботно распѣвала, какъ птичка, пѣла она и теперь, но ея пѣснѣ суждено было прерваться на серединѣ.

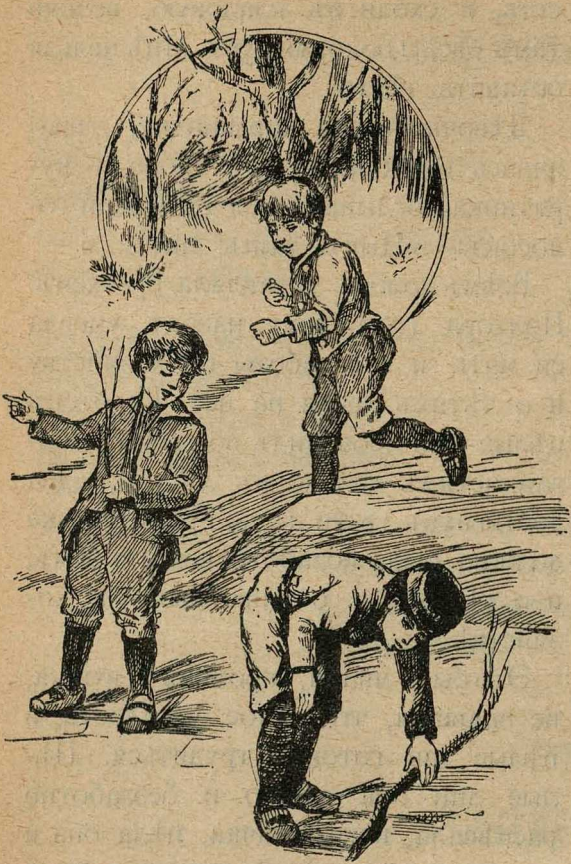
Въ комнату явился незнакомецъ.

Онъ былъ довольно старъ и казался больнымъ. Чувство испуга, которое овладѣло въ первую минуту Гретхень, скоро смѣнилось жалостью къ нему и она ласково его спросила:

— Кто вы?

— Я несчастный человѣкъ, отвѣчалъ онъ ей,— я не ѣлъ уже два дня.

Она подала ему кружку молока, которую онъ выпилъ съ удовольствіемъ до дна, затѣмъ она предложила ему ломоть хлѣба и кусокъ вчерашняго пирога съ кашей.

...Они усердно собирають сучья.

Незнакомецъ съ жадностью сталъ ихъ поѣдать. Пока онъ ѣлъ, она оглядывала его съ ногъ до головы.

Слухи о войнѣ и о бунтѣ, которые происходили тогда во Франціи, правда, въ слабой степени доходили и до лѣсной сторожки, потерянной въ дремучемъ лѣсу. Гретхенъ знала о нихъ отъ своего отца, который иногда читалъ газеты, или же самъ слышалъ о нихъ отъ кого-нибудь другого во время своихъ безконечныхъ скитаній по лѣсу. Она знала, что короля и королеву уже казнили, что всѣ зна-

тные люди были осуждены взбунтовавшимся народомъ на смертную казнь и что многіе изъ нихъ, чтобы спасти свою жизнь, бѣжали и старались незамѣтно скрыться за границу. И ей пришло на мысль, что этотъ незнакомецъ не простой нищій, а кто-нибудь изъ знати, старающійся спастись въ сосѣдней странѣ.

— Вы не бѣглець? откровенно спросила она его.

Старикъ вздрогнулъ, испугался, но, взглянувъ на ея честные, ясные глаза, не рѣшился ей солгать.

— Да, отвѣтилъ онъ, — я бѣглець. Меня преслѣдуютъ и хотятъ убить и горе тѣмъ, кто дастъ мнѣ ѣсть или предложитъ мнѣ ночлегъ. Будутъ убиты и они!

Гретхенъ испугалась, но вскорѣ-же застыдилась своего испуга.

— Что-жъ изъ этого? смѣло отвѣ-

— Въ такомъ случаѣ хоть возьмите чего-нибудь съ собою на дорогу.

тила она.—Вы можете заночевать у насъ въ ригѣ или на сѣновалѣ!

— Это бесполезно, продолжалъ бѣглець.— Я долженъ сейчасъ во что бы то ни стало достигнуть границы и перебѣжать черезъ нее. Иначе я погибъ.

— Но вѣдь до границы еще 15 верстъ!

— Я знаю это, но мнѣ нужно ихъ пройти какъ можно скорѣе. Вы накормили меня и теперь я это сдѣлать смогу. Тяжкій долгъ обязываетъ меня это сдѣлать и я не могу принять вашего предложенія переночевать у васъ. Но я не останусь передъ вами неблагодарнымъ. Такихъ честныхъ людей, какъ вы, теперь на свѣтѣ немного!

— Въ такомъ случаѣ хотъ возьмите чего-нибудь съ собою на дорогу!

— Хорошо... Дайте мнѣ бутылку молока и кусокъ бѣлаго хлѣба. Но только, пожалуйста, помягче и поблѣе... Вотъ именно такого!.. Простите, что я прошу помягче и поблѣе... Такъ надо... Благодарю васъ. А теперь возьмите себѣ вотъ этотъ подарокъ!

И онъ протянулъ къ молодой дѣвущкѣ золотой медальонъ. Она отказалась отъ подарка.

— Нѣтъ, сказала она.—Это будетъ похоже на плату. Я довольна ужъ и тѣмъ, что оказала вамъ услугу.

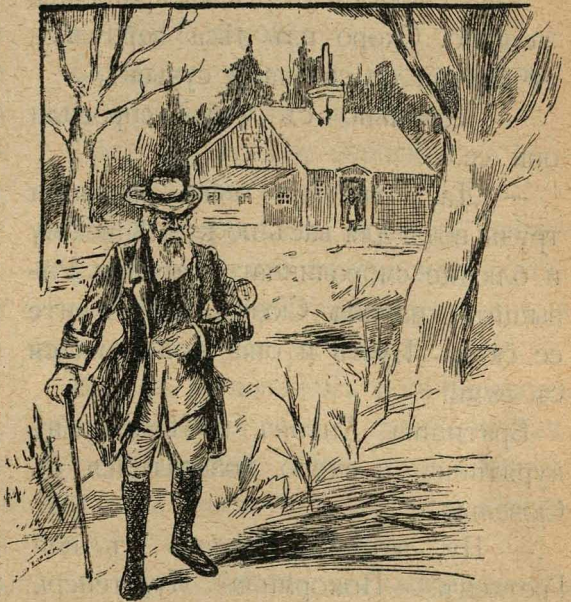
И чтобы не опоздать къ обѣду, она стала укладывать на противень свой пирогъ.

— Что это вы дѣлаете? спросилъ ее незнакомецъ.

— Пирогъ со счастьемъ... отвѣтила она.—Въ немъ я запеку монетку и кому достанется эта монетка, тотъ цѣлый годъ будетъ счастливъ.

— Значитъ, сегодня сочельникъ... печально покачалъ головой старикъ.—Завтра будетъ Крещенье, 6-е января...

И онъ собрался ужъ уходить, но, выждавъ, когда Гретхень отвернулась, и затѣмъ отошла, онъ сдѣлалъ

Онъ вышелъ изъ дома и скоро исчезъ за деревьями.

шагъ впередъ и втиснулъ медальонъ въ тѣсто, такъ что она этого не замѣтила вовсе.

— Пусть имъ будетъ это на счастье... пробормоталъ онъ про себя.—Имъ и той... А затѣмъ онъ вслухъ сказалъ:—Прощайте, дитя мое! Очень прошу васъ нѣсколько часовъ молчать и не говорить ни-

кому, что я у васъ быть. Къ вечеру я уже буду въ безопасности. Да благословить васъ Богъ за вашу доброту!

— А вамъ счастливый путь! отвѣтила она.

И онъ вышелъ изъ дома и скоро исчезъ за деревьями. У Гретхенъ сильно билось сердце.

«Кто онъ?» думала она:—«Добредеть-ли онъ благополучно до границы?»

Она снова съ усердіемъ принялась за дѣло. Скоро изъ лѣса вернулись ея братья со связками сучьевъ.

— Довольно съ тебя? спросили они ее.

— Да, отвѣтила она.—За ваши труды вотъ для васъ по кучкѣ изюму и блюдце смородиннаго варенья. Разыщите сначала Сюзель и позовите ее сюда. Пусть и она полакомится съ вами!

Братишка Антонъ побѣжалъ въ курятникъ и скоро возвратился съ Сюзелью.

— Ну, что? обратилась къ ней Гретхенъ.—Покормила? Ну, теперь поѣшь сама!

Сюзель взглянула на нее своими плутоватыми глазами и спросила:

— Съ кѣмъ это ты сейчасъ разговаривала?

Гретхенъ смутилась и покраснѣла.

— Ни съ кѣмъ, отвѣтила она.—Я просто пѣла!

— Нѣтъ, продолжала Сюзель.—Я слышала еще и чей-то мужской голосъ и боялась, не солдаты-ли къ тебѣ пришли?

— Солдаты? Какіе солдаты?

— Да, солдаты... Я видала ихъ сегодня въ нашемъ лѣсу. Они одѣты во все черное и съ красными шапками на головахъ. У нихъ большія ружья. Они кого-то искали. Они ползли по землѣ, какъ змѣи, а затѣмъ вдругъ вскочили и бросились за кѣмъ-то въ догонку. Ихъ было четверо. Развѣ ты ихъ не видѣла?

— Нѣтъ... Тебѣ это навѣрное приснилось... Ты въ курятникѣ должно быть спала!

Гретхенъ опять занялась дѣломъ, а Фрицъ, Антонъ и Конрадъ стали подшучивать надъ своею маленькою сестрой.

Къ ночи ихъ отецъ вернулся домой.

На столѣ дымился супъ, огонь въ печи пылалъ. Забравшись въ уголокъ, поближе къ теплу, три брата рассказывали по очереди сказки Сюзели, а Гретхенъ была занята, то и дѣло переходила отъ буфета къ столу и отъ стола къ буфету и старалась какъ можно красивѣе обставить праздничный ужинъ.

— Ахъ, какъ пріятно возвратиться домой! воскликнулъ отецъ, остановившись на порогѣ и окинувъ взоромъ свою семью.

Сюзель бросилась къ нему на шею, Гретхенъ сняла съ него дорожный плащъ, Конрадъ взялъ отъ него его охотничье ружье, которое онъ носилъ при себѣ всегда.

— Будь остороженъ! крикнулъ ему отецъ.—Ружье заряжено.

— А развѣ на немъ взведенъ курокъ? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Хеллеръ,—но осторожность не мѣшаетъ никогда!

Гретхень хотѣлось какъ можно скорѣе поговорить съ отцомъ, но дѣти не хотѣли оставить ихъ однихъ и все время висли на отцѣ.

Затѣмъ всѣ усѣлись за столъ, Гретхень разлила супъ по тарелкамъ и отъ него пошелъ вкусный запахъ по всей сторожкѣ.

Ужинъ начался въ молчаніи, дѣти разговаривали между собою только вполголоса. Но какъ только на столѣ появился пирогъ съ сюрпризомъ, какъ у всѣхъ развязались языки, начался шумный разговоръ и послышались радостныя восклицанія.

— А что, папа, обратился къ отцу Конрадъ.—Не выпить-ли тебѣ ради праздника вина?

— Да.. отвѣтилъ Хеллеръ.—Не мѣшало-бы... Кажется, у насъ въ погребѣ есть одна завѣтная бутылочка, оставшаяся еще послѣ твоей покойной мамы... Мы всегда этотъ вечеръ проводили съ виномъ и чокались другъ съ другомъ:

И, обратившись къ Гретхень, онъ продолжалъ:

— Ты тутъ займись нарѣзываніемъ пирога, а я спущусь въ нашъ погребокъ; можетъ быть и впрямь найду тамъ красненькаго винца!

Иванъ Хеллеръ вышелъ изъ комнаты и скоро возвратился назадъ, держа въ рукахъ запыленную бутылку. Онъ сѣлъ опять на свое мѣсто

и раскладываніе по тарелкамъ пирога началось.

— Кому этотъ кусокъ? спросила громко Гретхень.

— Мнѣ! отвѣтилъ Антонъ.

— А этотъ кому?

— Папѣ!.. закричали всѣ.

— А этотъ кому?

— Конраду!

— А этотъ?

— Богу на свѣчку!

— А этотъ?

— Тебѣ самой!

Остались еще два куска пирога: для Фрица и для Сюзели.

Гретхень громко спросила:

— А этотъ кому?

Дверь вдругъ съ шумомъ распахнулась и въ нее ввалился солдатъ.

— Мнѣ!! грубо крикнулъ онъ и протянулъ руку къ пирогу.

Всѣ съ удивленіемъ и со страхомъ посмотрѣли на него. Хеллеръ всталъ, Гретхень тоже. Дѣти, какъ были на мѣстахъ, такъ въ оцѣпенѣніи и остались.

— Гражданинъ! воскликнулъ солдатъ и дотронулся рукой до своей красной шапки.—Можемъ-ли мы, я и мои товарищи, рассчитывать на тебя?

Трое другихъ солдатъ вошли тоже въ комнату.

— Я всегда честно служилъ свою службу, отвѣчалъ лѣсничій.—Насколько могъ, я всегда старался охранить этотъ казенный лѣсъ отъ порубокъ.

— Дѣло идетъ не о лѣсѣ, продолжалъ солдатъ,—а совсѣмъ о дру-

— Ахъ, какъ пріятно возвратиться домой!
воскликнулъ отецъ.

гомъ. Мы подозрѣваемъ тебя въ томъ, что ты укрываешь у себя одного бѣглеца.

— Я? удивился Хеллеръ.

— Да... Мы хотимъ тебя обыскать. Покажи намъ твоё жилище!

— Пожалуйста ..отвѣтилъ Хеллеръ и, обратясь къ дочери, сказалъ:— Гретхенъ, зажги фонарь и покажи этимъ людямъ все, что они хотятъ.

Въ то время какъ Гретхенъ зажигала фонарь, первый солдатъ, сбитый съ толку хладнокровіемъ лѣсничаго, съ любопытствомъ сталъ оглядывать комнату и всё ея закоулки.

— Что вы здѣсь дѣлали? грубо спросилъ онъ.

Никто не нашелся отвѣтить.

— Мы здѣсь кушали пирогъ съ денежкой! вдругъ послышался тоненькій голосокъ Сюзели.

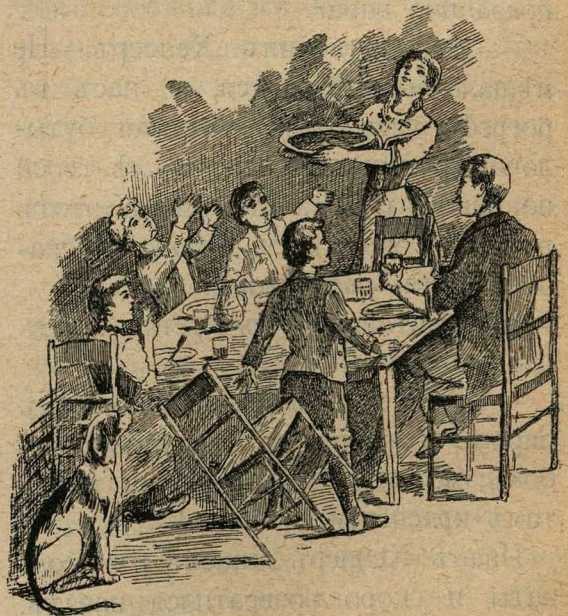
Солдаты переглянулись, едва смогли удержаться отъ смѣха на такую наивность ребенка и одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— А когда ты кушала пирогъ, то дай его покушать и намъ!

— Онъ весь уже розданъ, отвѣчала бойко дѣвочка.—Осталась одна только часть Боженъкѣ на свѣчку.

— Такъ давай сюда эту Боженкину часть, мы ее раздѣлимъ между собой и съѣдимъ!

Спокойствіе лѣсника Хеллера совершенно разсѣяло ихъ подозрѣнія, къ тому-же послѣ долгихъ поисковъ по лѣсу и по кустарникамъ имъ очень хотѣлось ѣсть. Они усѣлись за столъ Хеллеръ приказалъ Конраду принести имъ пива, а Фрицу достать изъ кладовой холодной ветчины. Это раз-

Какъ только появился пирогъ съ сюрпризомъ, какъ у всѣхъ развязались языки и начался шумный разговоръ.

вязало солдатамъ языки. Они сообщили, что ихъ послали въ погоню за нѣсколькими бѣглецами изъ знатныхъ фамилій, которые осуждены на смертную казнь, что они обшарили всѣ канавы и кусты и нигдѣ не могли найти ни одного. Въ особенности они искали одного знатнаго старика съ ребенкомъ на рукахъ и даму въ вуали. Дама скоро убѣжала; остался одинъ старикъ. Затѣмъ всѣ они разсѣялись въ поискахъ по всему лѣсу и вотъ случайно сошлись всѣ вмѣстѣ только здѣсь. Пиво было хмѣльное, пирогъ оказался очень вкуснымъ и теперь они убѣдились вполнѣ, что лѣсничій былъ прекрасный человекъ.

Иванъ Хеллеръ все время молчалъ, довольный уже тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался отъ опасности, потому что въ то ужасное время малѣйшій пустякъ могъ погубить жизнь цѣлой семьи.

Затѣмъ Гретхенъ стала рѣзать ту часть пирога, въ которой была запечена монета. Вдругъ ея ножикъ прошелся по металлу.

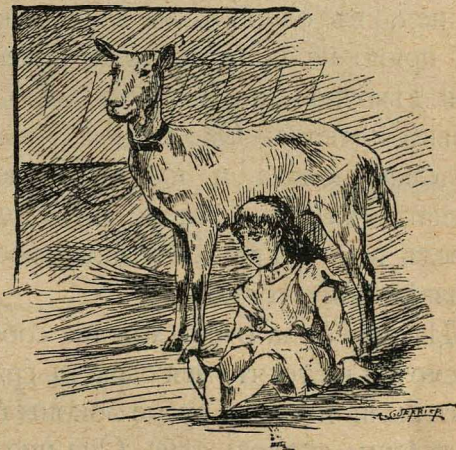
— Денежка! воскликнула Сюзель.

Гретхенъ продолжала рѣзать дальше. Черезъ нѣсколько ломтей ея ножикъ прошелся вторично по металлу. Чтобы это значило? Неужели въ пирогъ попали двѣ монеты? Неужели она положила въ тѣсто одну монету, затѣмъ позабыла объ этомъ и положила въ него монету вновь? Она раздвинула ножомъ два куска пирога и между ними блеснулъ золо-

той медальонъ. Это былъ тотъ самый медальонъ, который она видѣла въ рукѣ у своего гостя-старика. Какъ-же это могло произойти?.. Какъ теперь скрыть отъ глазъ солдатъ эту находку?..

Она почувствовала, какъ руки у нея задрожали и какъ ножикъ и вилка готовы были вывалиться изъ нихъ на пирогъ.

Но въ эту критическую минуту откуда-то издали вдругъ раздался

Около козы, прямо на полу, сидѣла маленькая дѣвочка.

плачь ребенка и привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе. Гдѣ-то, не то въ лѣсу, не то въ хлѣву жалобно плакалъ ребенокъ и въ одну секунду всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и высыпали на дворъ. Гретхенъ воспользовалась этимъ моментомъ, вытащила изъ пирога заветный медальонъ и спрятала его къ себѣ въ карманъ.

— Слава Богу! вздохнула она съ облегченіемъ.—Мы спасены! Если-бы солдаты увидели этотъ медальонъ у

нась, то это возбудило-бы въ нихъ подозрѣніе противъ отца... Кто-бы ни былъ этотъ странный человѣкъ, поручившій намъ эту вещь, клянусь, что я не останусь передъ нимъ въ долгу.

Когда она вышла на дворъ, то тамъ было всеобщее возбужденіе. Фонарь, который держаль въ рукахъ Конрадъ, освѣщаль собою хлѣвъ, гдѣ, привязанная въ уголку къ яслямъ коза пытливо оглядывала своими круглыми глазами солдатъ. Около нея, въ одной только рубашенкѣ, прямо на полу, сидѣла маленькая дѣвочка около двухъ лѣтъ и горько плакала. Около нея лежали бутылка молока и кусокъ бѣлаго мягкаго хлѣба, которые незадолго передъ этимъ Гретхенъ дала своему неизвѣстному гостю.

Дѣвочка была очень хороша собой, не смотря на то, что вся была въ грязи и въ пыли и что ея русые локоны были усѣяны трухою сѣна. Она протираля себѣ рученками глаза и можно было догадаться, что она только сію минуту проснулась и испугалась, что была во всемъ хлѣвѣ одна. Теперь, увидѣвъ передъ собою людей, она успокоилась и протянула ручки къ Конраду. Онъ опустился передъ ней на колѣни и съ удивленіемъ сталъ оглядывать ее со всѣхъ сторонъ.

— На ножки хочу... сказала дѣвочка тоненькимъ голоскомъ.

Конрадъ поднялъ ее, поставилъ ее на ножки и она твердо на нихъ стала.

— Да она презабавная! воскликнулъ одинъ изъ солдатъ.—Умѣеть говорить! Надо ее спросить!

Онъ подошелъ къ ней и задалъ ей вопросъ:

— Какъ тебя зовуть?

— Нини, отвѣчала дѣвочка.

— Гдѣ твой папа?

Молчаніе.

— А твоя мама?

Опять молчаніе.

— Ну, такъ какъ ты намъ не отвѣчаешь, продолжалъ солдатъ,—то мы тебя сейчасъ обыщемъ.

И онъ снялъ съ ребенка рубашку. Но на дѣвочкѣ не оказалось ни письма, ни медальона, однимъ словомъ ничего такого, что могло-бы указать на ея происхожденіе.

— Надо ее отправить въ полицію... сказалъ другой солдатъ.

— Зачѣмъ? спросила Гретхенъ.

— Чтобы тамъ навести справки. Куда-же дѣвать этого подкидыша! Это чья-нибудь дворянская дочь.

— О, нѣтъ... испугалась Гретхенъ.—Развѣ вы не видите, изъ какой грубой матеріи на ней рубашка?

— Тамъ ужъ въ полиціи разберутъ!

Конрадъ подошелъ къ сестрѣ и тихо шепнулъ ей на ухо:

— Необходимо во что бы то ни стало скрыть этого ребенка!

Тонъ, съ которымъ сказалъ это мальчикъ, заставилъ ее задрожать.

— Почему? такъ-же шопотомъ она спросила его.

— Послѣ узнаешь!.. отвѣтилъ ей Конрадъ.

Она подошла къ старшему изъ солдатъ и сказала:

— Оставьте мнѣ этого ребенка на недѣлку или дней на десять. Я покормлю его, нашью ему бѣлья и тогда вы можете его отъ меня взять.

Солдатъ съ недовѣріемъ посматрѣлъ на Гретхенъ. Въ немъ пробудились его прежнія подозрѣнія. Онъ взялъ фонарь и навелъ его на самое лицо дочери лѣсника.

— А ты поклянешься мнѣ, сказалъ онъ,—что ровно ничего не знаешь объ этой дѣвченкѣ?

— Клянусь! отвѣтила она такъ искренно, что ее нельзя было-бы заподозрить ни въ чемъ.

— И не рассчитываешь впослѣдствіи получить за это деньги?

— Конечно! Развѣ вы не видите сами, что на ребенкѣ нѣтъ ни одной драгоценной вещи?

— Это правда... Ну, что-жъ? Ты хорошая дѣвушка... Въ такомъ случаѣ мы такъ начальству и донесемъ. А теперь, товарищи, въ путь! Уже поздно! Пора и домой!

И они простились съ Хеллеромъ и отправились вонъ изъ лѣса, а вся семья возвратилась къ себѣ въ сторожку. Когда шаги солдатъ уже утихли и опасность была уже далеко, то Конрадъ вынулъ изъ кармана письмо и передалъ его отцу.

Это письмо онъ нашелъ въ хлѣву на полу около ребенка и козы.

По L. de-Kerany.

(Продолженіе слѣдуетъ).

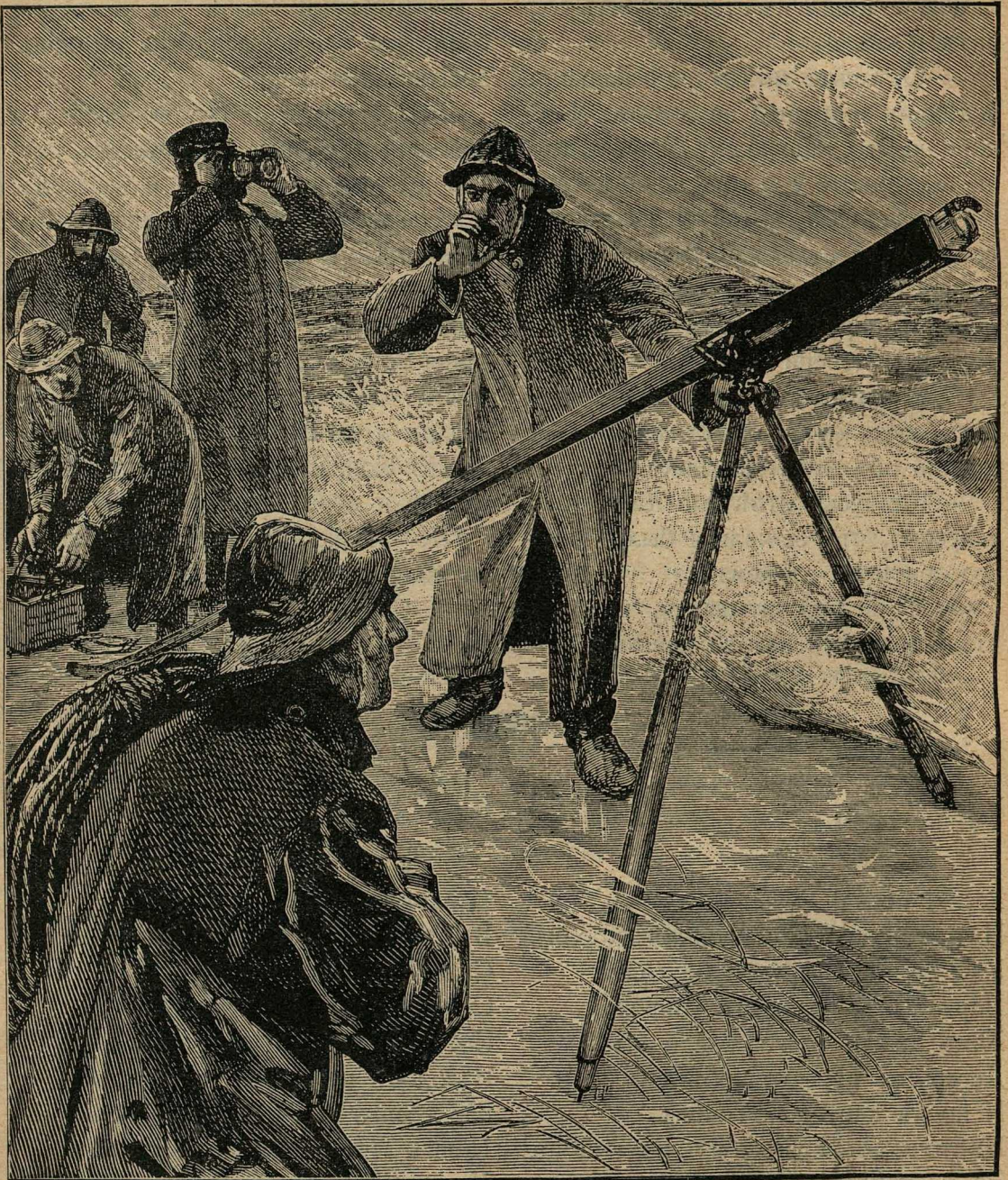
ВЕСНА! ВЕСНА!

Весна! Весна! Ручьи шумятъ,
Имъ вторятъ птицы звонкимъ хоромъ,
Уже зацвѣлъ фруктовый садъ
Наряднымъ, розовымъ уборомъ...
Какъ долго, долго ждали мы
Деревьевъ перваго побѣга
И послѣ длительной зимы
Цвѣточковъ первыхъ изъ-подъ снѣга!
За то теперь такъ горячи
Весны привѣтные лучи!

И зацвѣли благоухая
Въ лучахъ горячихъ, яркихъ мая,
Сплетая ласково листы,
Сирени стройные кусты.
Поётъ соловко голосистый
И голосъ нѣжный, серебристый
Его гремитъ... И вечеръ чистый
Поитъ траву росой душистый.
И въ морѣ синяя волна
Шумитъ, поётъ: Весна! Весна!

Е. Селунская.

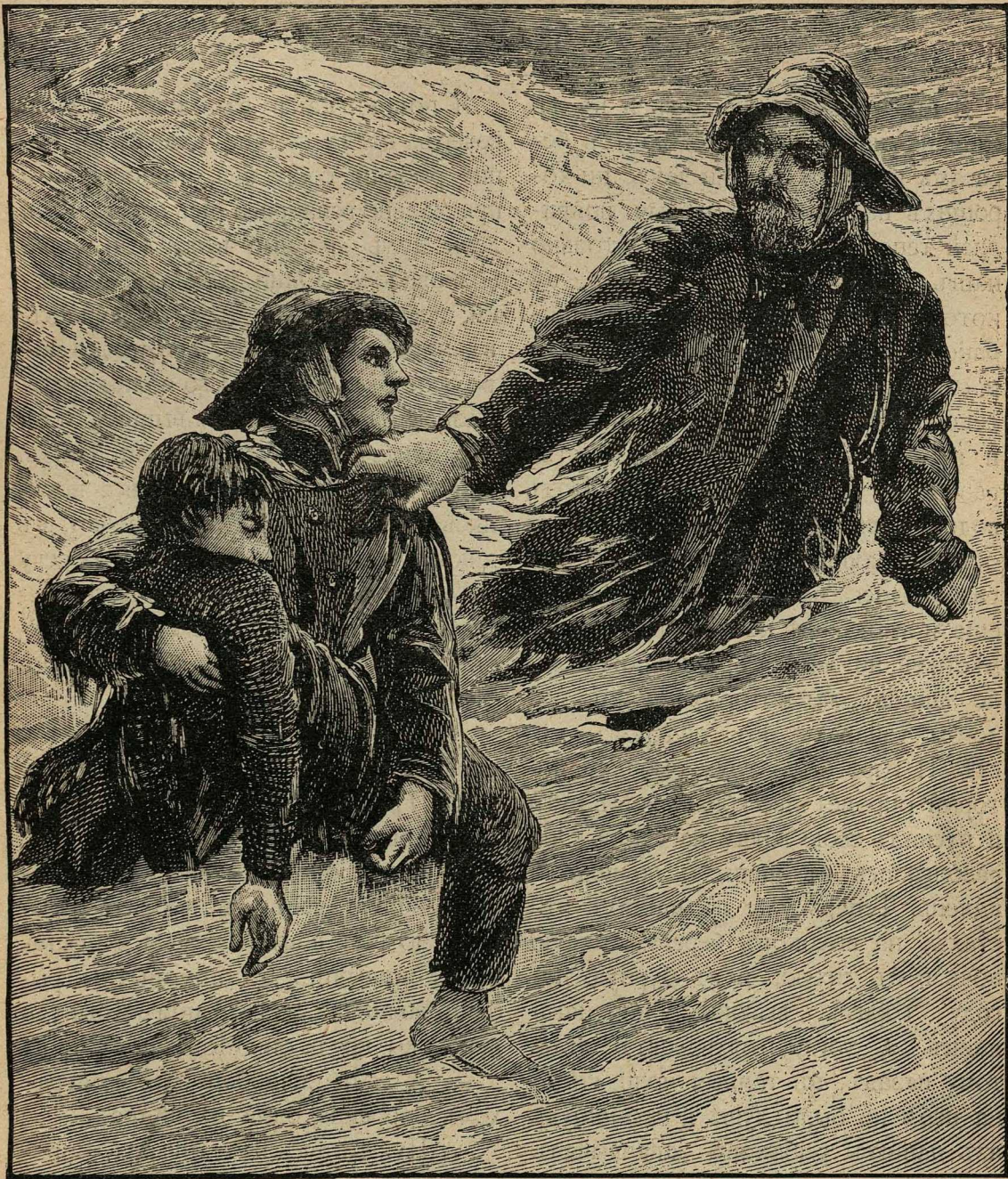

— Въ морѣ кто-то тонетъ!.. Необходимо спасти!..

Головоломка. Слово означаетъ предметъ, который отвариваютъ и подаютъ, какъ отдѣльное кушанье, и какъ гарниръ къ другимъ кушаньямъ.

Въ немъ заключаются: 1) Мужское имя. 2) Растеніе. 3) Рѣка во Франціи. 4) Мѣстоименіе женскаго рода. Какой это предметъ?

Рыбаки схватывают мальчика на руки и пѣшкомъ идутъ съ нимъ по поясъ въ водѣ.

Шуточные вопросы. 1) Когда рубашки бываютъ мѣстоименіями?

2) Сколько горошинокъ могутъ взойти въ горшокъ?

3) Что можетъ въ одно и то-же время висѣть, и стоять, или стоять и ходить, или лежать и ходить?

(Предложилъ Андрюша Федотовъ).

У М О Р Я.

Я былъ еще мальчикомъ и въ тѣ времена на нашихъ пустынныхъ берегахъ не было еще ни дачъ, ни хорошихъ построекъ, которыя появились теперь, а былъ одинъ только нашъ жалкій, рыбацкій хуторъ, въ которомъ жило нѣсколько семей рыбаковъ, да большіе береговые камни и скалы. Скалы эти тянулись на далекое пространство вправо и влѣво и въ бурную погоду море яростно разбивало о нихъ свои волны. Подъ водой, невидимо для глазъ, торчали острые камни, о которые иногда разбивались наши лодки, и тогда еще и въ поминѣ не было въ нашихъ мѣстахъ ни маяковъ, ни какихъ либо знаковъ, по которымъ можно было-бы узнавать объ опасномъ мѣстѣ. И горе было тому рыбаку, который опрометчиво сбивался съ пути и пускалъ свою лодку на удачу. Она разбивалась въ щепы о подводный камень. Теперь уже въ нашихъ мѣстахъ, на высокомъ берегу каждую ночь и въ тихую, и въ бурную погоду горитъ высокій, каменный маякъ, а тогда, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ темныя ночи, когда на небѣ не было луны и кто-нибудь изъ нашихъ рыбаковъ запаздывалъ въ морѣ, наши смѣльчаки выѣзжали на лодкѣ далеко къ торчавшей изъ-подъ воды скалѣ и зажигали на ней костеръ. Это и служило для запоздавшего маякомъ.

Я помню, какъ въ одинъ осенній вечеръ, когда солнце уже сѣло, наши рыбаки собрались на берегу и пристально всматривались вдаль. Весь день дулъ сильный вѣтеръ и море волновалось. Одни только смѣльчаки, несмотря ни на что, отправились въ море ловить рыбу. Теперь-же море уже бѣсновалось. Его волны вздымались на невѣроятную высоту и съ страшнымъ шумомъ падали внизъ. Пока могъ видѣть глазъ, все высились громадныя пѣнистые гребни, съ дикимъ ревомъ мчавшіеся къ берегу и заливавшіе все на своемъ пути. Небо было темно-свинцоваго цвѣта. Тучи низко нависли и готовы были пролиться дождемъ.

— Вернутся-ли они?—то и дѣло спрашивалъ у всѣхъ молодой рыбачокъ Триша, двумя или тремя годами старше, чѣмъ я.

— Воля Божья! отвѣчали ему старики.—Если успѣютъ добраться до ночи до того вонъ островка, то останутся живыми... Да они опытные рыбаки, выдавшіе виды! Такія-ли бывали непогоды, когда они уѣзжали въ море!

— А если не доберутся? со страхомъ спросила одна женщина.

— Ну, тогда дѣло другое... Впрочемъ, тамъ видно будетъ!.. Нечего загадывать впередъ... Нужно было бы вотъ зажечь костеръ на той вонъ скалѣ, чтобы они могли увидѣть нашъ огонь...

— Защити и помилуй, Матерь Божія!.. Только ты и помощница намъ!.. Больше надѣяться не на кого...

Затѣмъ всѣ долго молчали и напряженно смотрѣли въ морскую даль. Какъ вдругъ Триша воскликнулъ:—

— Я вижу одну лодку!.. Нѣтъ двѣ!.. Я вижу двоихъ!..

— А я еще и третью!.. откликнулась одна изъ женщинъ.—Вонъ-вонъ она! Позади другихъ!

— Ну, слава Богу!.. заговорили рыбаки.—Теперь ужъ они спасутся! Теперь ужъ близко... Только гдѣ-же четвертая?

— А кто на четвертой?

— Да эти-то три чьи?

— Та вонъ, что съ рыжимъ парусомъ, это Синюхина, та вонъ, которая за ней—это Гришуткина, а третья—Семена Большого!

— А кто на четвертой-то? Кого нѣтъ-то?

— Ивана Гусакова...

— Ну, стало быть, Ивану Гусакову и погибать! Теперь ужъ поздно...

И вмѣсто того, чтобы забеспокоиться о немъ, принять мѣры къ его спасенію, всѣ оставались равнодушными и молча стали смотрѣть на боровшіяся съ волнами лодки.

Этотъ Иванъ Гусаковъ былъ лучшимъ изъ рыбаковъ, но обладалъ всегда такими гордостью и высокомеріемъ, былъ всегда такъ грубъ и гнѣвенъ съ другими, такъ придирался ко всѣмъ, что никто его не любилъ, и теперь, когда не осталось

надежды на его возвращеніе, — его даже никто не пожалѣлъ.

Часъ спустя всѣ три лодки были уже у берега. А между тѣмъ море волновалось теперь уже такъ, точно сорвалось съ чудовищной цѣпи, къ которой оно, казалось, было до этого приковано. Съ минуты на минуту небо становилось все темнѣе и мрачнѣе. Медленно, одинъ за другимъ, рыбаки потянулись по своимъ домамъ. Они уже не говорили больше ничего о томъ, кто остался теперь въ морѣ одинъ. Да и для чего? Все равно спастись ему теперь было уже нельзя и гибель его была несомнѣнна. Если-же отправиться теперь на ту скалу, которая выдавалась изъ моря, и зажечь на ней костеръ, то кто рискнетъ это сдѣлать въ такую непогоду? Кому такъ дешева жизнь, что онъ отправится на эту скалу, чтобы обратно уже не возвратиться живымъ? И это изъ-за человѣка, котораго не любилъ никто! Правда, у нѣкоторыхъ изъ рыбаковъ шевельнулась было мысль отправиться на скалу съ дровами и съ огнемъ, но у каждаго были дѣти-подростки, а кто ихъ пригрѣетъ, когда не придется ему возвратиться назадъ?

И всѣ ушли. На берегу осталась только дѣвочка 12-ти лѣтъ и мальчикъ Триша, который все еще смотрѣлъ въ морскую даль. Думая, что она одна, дѣвочка припала къ камню и горько зарыдала. Мальчикъ подошелъ къ ней и похлопалъ ее по плечу.

— Бодришь, Лиза! сказалъ онъ ей.—Погоди еще плакать.

Дѣвочка подняла на него полные слезъ глаза.

— Отецъ погибаетъ! проговорила она со вздохомъ.

— Не погибнетъ! старался утѣшить ее мальчикъ.—Твой отецъ опытный морякъ. Онъ всегда найдетъ себѣ дорогу. Я вѣдь не разъ плавалъ вмѣстѣ съ нимъ!

— Но вѣдь на скалѣ нѣтъ огня... Никто не пожелалъ развести костеръ... Онъ погибнетъ, Триша... Ты увидишь, что погибнетъ!

Триша не отвѣтилъ ничего. Онъ не любилъ ея отца и не забылъ еще тѣхъ пинковъ, которые получалъ отъ него, когда у него служилъ. Когда онъ былъ у него ученикомъ, то ему доставалось отъ него не мало страданій. Иногда онъ его даже не кормилъ. Но у мальчика было доброе, незлобивое сердце. Слезы дѣвочки растрогали и его самого до слезъ. Триша былъ совершенно одинокъ, онъ былъ сирота и ему нечего было терять. Къ тому-же онъ былъ такъ смѣлъ и отваженъ, что его не могло утратить ничто. Глядя на море, онъ размышлялъ и молчалъ. Вдругъ онъ обернулся къ Лизѣ.

— Ну, что-жъ? сказалъ онъ.—Я отправлюсь сейчасъ на скалу и зажгу тамъ для твоего отца костеръ!

Дѣвочка вдрогнула отъ удивленія.

— Ты? воскликнула она.—Какъ же ты это сдѣлаешь?

— У меня есть своя небольшая лодка, отвѣчалъ онъ,—и я отправлюсь на ней. До ночи осталось еще съ полчаса... Я успѣю еще вернуться...

— Но ты разобьешься о подводные камни!

— А не все-ли равно? Я не боюсь... Я пойду...

Лиза схватила его за руку и не хотѣла было его пускать, но онъ вырвался отъ нея и убѣжалъ, а она снова съ рыданіями опустила на камень.

Десять минутъ спустя, Триша уже отправился въ путь. Море свирѣпло. Вѣтеръ рвалъ и металъ все на своемъ пути и цѣлымъ дождемъ соленыхъ брызгъ обдавалъ неустрашимого пловца. Мальчикъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы вывести лодку въ открытое море, но его всякій разъ отбрасывало съ ней назадъ и нужны были нечеловѣческія усилія, чтобы побѣдить разъярившуюся стихію. Но онъ не выпускалъ весель изъ рукъ, гребъ сколько хватало силъ и его лодка ныряла по волнамъ точно птица, еле замѣтная отъ ставшей уже сгущаться темноты. Сжавши губы, стиснувъ зубы, сдавивъ точно клещами рукоятки весель, изогнувшись въ три дуги подъ тяжестью работы, онъ сползалъ съ одной волны на другую, медленно, но настойчиво подвигался впередъ и, побѣдивъ одно препятствіе, принимался за преодоленіе другого. Иногда онъ оборачивался назадъ и въ далекой синевѣ мрака видѣлъ бе-

Счетъ — двѣ четверти.

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА.

Мельница въ долинь, въ зелени тѣ-
нистой,
Разсыпаетъ брызги пѣны серебристой;
Вѣтви отовсюду къ ней, ласкаясь,
жмутся;
Словно карауля, звуки раздаются:

Тукъ-и-тукъ-и-тукъ! } 2 раза.
Тукъ-и-тукъ-и-тукъ! }

Мельникова дочка спитъ въ тѣни
древесной;
Что малюткѣ снится, Богу лишь
извѣстно!
Надъ ея головкой стройный яворъ
гнется;

Съ вѣтокъ на малютку пѣсня птички
льется:

Пію-пію-пи! } 2 раза.
Пію-пію-пи! }

Надъ цвѣтами пчелки, въ поискахъ
за медомъ,

Весело кружатся шумнымъ хорово-
домъ;

Мельникова дочка ничему не вне-
млетъ,

Подъ жужжанье пчелокъ безмятеж-
но дремлетъ:

Жужу-жужу-жу! } 2 раза.
Жужу-жужу-жу! }

Н. Новичъ.

регъ, усяянный камнями и маленькую фигурку Лизы, стоявшую безъ надежды на берегу. Тогда онъ себѣ говорилъ:

«Впередъ, Триша!.. Не бойся ничего... Ты идешь спасать челоѣка, котораго не любишь!»

Его жилы на рукахъ налились кровью отъ напряженія, два или три раза онъ думалъ, что силы оставляютъ его и вотъ-вотъ онъ лишится чувствъ, но онъ не давалъ себѣ воли и старался пересилить свою слабость. Цѣлый часъ онъ боролся съ моремъ и наконецъ побѣдилъ его. Когда онъ былъ уже у цѣли, когда темная, мрачная, одинокая скала вырисовалась около него во мракѣ ночи, онъ понялъ, что еще немного, и силы совершенно оставили-бы его, несмотря на то, что онъ старался себѣ не уступать, и онъ погибъ-бы непременно. Но вотъ онъ уже около нея. Онъ встаетъ въ лодкѣ на ноги, взмахиваетъ нѣсколько разъ веслами, насколько хватается силъ, подплываетъ къ самымъ камнямъ и укрѣпляетъ между ними лодку, чтобы ее не разбило или не унесло въ открытое море. Вотъ онъ уже на скалѣ. Онъ беретъ изъ лодки вязанку дровъ, взбѣгаетъ съ нею на самую ея вершину, кладетъ ее на землю, обливаетъ смолой и зажигаетъ. Костеръ вспыхиваетъ и на далекое пространство освѣщаетъ море. Триша всматривается въ темноту и далеко-далеко отъ скалы видитъ какую-то темную точку, пры-

гающую по волнамъ. Это лодка. Она идетъ прямо на скалу. Если она не увидитъ его огонь, то сейчасъ ей будетъ конецъ. И Триша вновь поливаетъ костеръ смолой. Огонь вспыхиваетъ еще больше и еще шире освѣщаетъ собою море.

— Господи, дай, чтобы Иванъ увидѣлъ этотъ огонь, начинаетъ молиться Триша.—Сохрани его и помилуй! Хотя-бы ради Лизы...

И взявъ изъ костра головешку, онъ часто потрясаетъ ею въ воздухѣ, желая обратить на себя вниманіе Ивана Гусакова.

Затѣмъ онъ снова присматривается къ лодкѣ и видитъ, что она поворачиваетъ влѣво и благополучно минуетъ подводные камни и скалу.

«Слава Богу, онъ увидѣлъ меня!» съ облегченіемъ вздыхаетъ Триша.—Теперь онъ въ безопасности»...

И полчаса спустя, онъ видитъ, какъ далеко на берегу изъ лодки выходитъ невредимый Иванъ Гусаковъ и какъ къ нему подбѣгаетъ его дочь и бросается къ нему на шею.

Теперь онъ уже дома. Теперь онъ спасенъ.

Триша сбѣгаетъ внизъ къ камнямъ, садится въ свою лодку, выводитъ ее въ море и начинаетъ грести.

Но силъ у него не хватаетъ... Онъ чувствуетъ, какъ какое-то облако заволакиваетъ ему глаза, какъ какая-то жгучая боль разливается у него по рукамъ и по спинѣ, и смутно понимаетъ, что это отъ недавней борьбы съ моремъ. Усталый, изне-

моженный, онъ разжимаетъ руки, весла выпадаютъ изъ нихъ и онъ безъ чувствъ опускается на дно лодки... А кругомъ съ ревомъ несутся волны.

Триша, неужели ты погибъ?

— Зажигайте огни! Берите скорѣе весла и спасательные круги! Садитесь скорѣе въ лодку и плывите къ скалѣ, гдѣ такъ недавно еще горѣлъ костеръ! Теперь онъ потухъ, но возвратившійся съ моря Иванъ самъ видѣлъ, какъ на скалѣ былъ какой-то мальчикъ, который махалъ ему головней!

Рыбаки выбѣгаютъ на берегъ, хватаютъ спасательные круги и суетятся около лодки. Въ сторонѣ нѣкоторые изъ нихъ вынесли зрительную трубу и стараются навести ее на скалу и на темный предметъ, поднимающійся и опускающійся вмѣстѣ съ волнами.

— Тамъ кто-то тонетъ!.. говорятъ они.—Надо его спасти!

Двое дюжихъ рыбаковъ садятся въ лодку, взмахиваютъ веслами и отчаливаютъ отъ берега. Ихъ подхватываютъ волны и сразу уносятъ въ море.

Ночь. Темно. Дуетъ вѣтеръ и шумитъ злобствующее море. На берегу стоятъ рыбаки и молча смотрятъ вдаль. Женщины плачутъ. Люди съ зрительной трубой стараются разглядѣть сквозь темноту качающійся по волнамъ предметъ и говорятъ:

— Это онъ... Это Триша!... Это его лодка и только его одного и нѣтъ съ нами на берегу!

А затѣмъ они видятъ, какъ къ темному предмету подплываетъ другой темный предметъ и какъ изъ него высовываются двѣ фигуры и берутъ къ себѣ мальчика Тришу. Это рыбаки. Они взмахиваютъ затѣмъ веслами и направляются обратно къ берегу.

— Они спасли его! кричатъ люди, смотрящія въ трубу.—Они плывутъ уже назадъ, домой!

Но вотъ въ темнотѣ вырисовывается лодка рыбаковъ. Когда она подплываетъ почти уже къ берегу, волны опрокидываютъ ее и уносятъ въ море. Рыбаки схватываютъ мальчика на руки и пѣшкомъ идутъ съ нимъ по поясъ въ водѣ...

Вотъ они уже на берегу. Всѣ бросаются къ нимъ, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, задаютъ имъ вопросы, пожимаютъ руки и начинаютъ приводить въ чувство Тришу.

Онъ открываетъ глаза, обводитъ ими всѣхъ и еле слышно задаетъ вопросъ:

— Спасся-ли отецъ Лизы?.. Довольна-ли она?

А надъ нимъ наклоняется самъ Иванъ Гусаковъ и говоритъ:

— Я спасся, Триша... И за то, что ты зажегъ для меня огонь, я поѣхалъ вмѣстѣ съ товарищемъ за тобою въ море и въ свою очередь спасъ тебя. Теперь ты въ безопасности...

— Возьми его! Возьми!

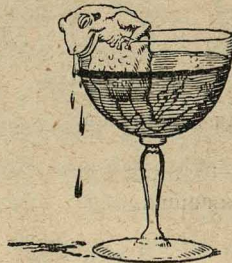
1. Съ чѣмъ-то сладкимъ стоитъ рюмка,
А подь ней лягушка.
У лягушки—одна думка,
Какъ схватить ей мушку?

2. Разбѣжалась и скакнула,
Только промахнулась:
Мушка быстро упорхнула!
Счастье улыбнулось.

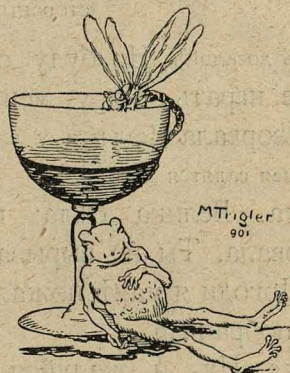
3. И лягушка повалилась
Сверху внизъ въ мадеру.
Она пьяной тамъ напилась,
Пьяной черезъ мѣру.

4. Въ рюмкѣ чуть не утонула,
Охмелѣла шибко,
Но на все шутя взглянула
Съ глупою улыбкой.

5. А потомъ плясать пустилась,
Пѣсни распѣвала,
Стоя прыгала, крутилась...
Рѣдко такъ бывало!

6. Скоро, скоро утомилась
Пьяная лягушка,
Утомившись, развалилась
Точно на подушкѣ.

Рости большой и оставайся такимъ-же честнымъ рыбакомъ, какимъ и былъ.

Триша смотритъ на него съ улыбкой, хочетъ ему что-то сказать и не можетъ. У него еще не хватаетъ силъ.

Его берутъ на руки, вносятъ въ избу, окутываютъ одѣяломъ и кладутъ около горячей печки.

Онъ засыпаетъ, улыбается во снѣ отъ удовольствія, что былъ полезнымъ для другихъ, и крѣпко спитъ до утра.

Ч.

НЕ ВЪ БОГАТСТВѢ СЧАСТЬЕ.

Дѣтская пьеса въ трехъ картинахъ съ пѣніемъ и танцами.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аксинья, пожилая крестьянка.

Алеша, ея сынъ.

Саша, ея дочь.

Аннушка, ея племянница.

Ваня, пастухъ 12 лѣтъ.

Старые цыганъ и цыганка.

Цыгане и цыганки.

Крестьянскіе мальчики и дѣвочки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Полянка на опушкѣ лѣса. Налѣво — шалашъ, у котораго сидитъ пастушокъ Ваня и плететъ корзину. Посреди сцены крестьянскія дѣти водятъ хороводъ и поютъ. Въ хороводѣ ходитъ Аннушка съ завязанными глазами и тоже поетъ. Спѣвши пѣсни, дѣти разбѣгаются въ разныя стороны. Аннушка ловитъ Сашу.

Саша [съ досадой]. Не буду съ тобой больше играть. Ты у меня передникъ разорвала [садится у елки направо, около нея садятся дѣти].

Аннушка. Велика бѣда: передникъ разорвала. Ты не вырывайся!

Саша. Погоди я мамѣ пожалуюсь. Она тебя побранитъ.

Аннушка. Ну, и жалуйся, если охота. Я тебя не боюсь. Вы и такъ меня браните цѣлый день: то не такъ, другое не такъ. На васъ не угодишь.

Алеша. Тебя мама за дѣло бранитъ. Вчера убѣжала за ягодами и избу не заперла, а мы всѣ на сѣнокосѣ были.

Аннушка. Вотъ еще, стану я цѣлый день въ избѣ сидѣть, была охота!

Дѣти. Будетъ вамъ ссориться! Давайте еще поиграемъ!

Алеша. Некогда играть. Скоро коровъ погонятъ домой. Надо встрѣтить.

Дѣти. Еще разъ сыграемъ, да и

домой. Саша, становись въ хоро-
водъ, тебя поймали!

Саша [надувшись]. Не хочу больше
играть. Опять что нибудь разорвете.

Алеша. Съ ней не сговоришь.—
Пойдемте, братцы, въ бабки играть!
Кто со мной? [Уходитъ, за нимъ идутъ
мальчики].

Саша. Я тоже домой пойду.

Дѣвочки. Пойдемте ужъ всѣ!
[уходятъ].

Ваня [Аннушкѣ]. А ты что же не
идешь?

Аннушка. Не хочу, потому и не
иду. Все равно бранить будутъ, такъ
ужъ за одно.

Ваня. Тебя вѣдь за дѣло бранятъ.
Тетка твоя справедливая баба. Она
и къ своимъ дѣтямъ строгая.

Аннушка. А ты поживи на мо-
емъ мѣстѣ!

Ваня. Да вѣдь я видѣлъ твое
житье. Твое житье хорошее. Мое
куда хуже. У тебя свой домъ есть,
свой уголь, родные,—а у меня ни
кола, ни двора. Ночую каждый день
въ разныхъ домахъ. Спасибо еще не
обижаютъ, кормятъ, да одѣваютъ.
А ты еще на свое житье жалуешься!

Аннушка. И ты на меня на-
падаешь... Некому за меня заступиться!

Ваня. Развѣ я что говорю?.. Ну,
перестань, перестань... Какою я тебѣ
сказку расскажу. Хоро-о-шую! [под-
ходить и садится рядомъ].

Аннушка [вытираетъ глаза]. Расска-
жи про «Василису прекрасную». Пом-
нишь, рассказывалъ намъ съ Але-
шей?..

Ваня. Нѣтъ, я тебѣ лучше раз-
скажу. Я тебѣ такое расскажу, что
ты и не слыхала никогда!

Аннушка [съ любопытствомъ]. Расска-
зывай, рассказывай!..

Ваня [таинственно]. Говорятъ, здѣсь
въ лѣсу кладъ спрятанъ. Бо-ольшой
кладъ. Золото тамъ, серебро, ка-
менья самоцвѣтные. Видимо ихъ—
невидимо! Мнѣ это старикъ гово-
рилъ, дѣдушка Егоръ. Я вчера но-
чевалъ у него. Онъ старый, у него
всѣ косточки болятъ, спать не мо-
жетъ... Вотъ онъ ночью-то все и
рассказывалъ. Онъ говоритъ, что
кладъ этотъ больше ста лѣтъ по-
ложенъ... И надо этотъ кладъ рыть
подъ Ивановъ день, ночью... И бу-
детъ тебѣ представляться все этакое
страшное... Летать будутъ кругомъ
разныя чудища, а ты не бойся, го-
ворить, и все копай... копай!..

Аннушка. Вотъ бы намъ съ то-
бой!

Ваня. Эхъ, зажилъ бы я тогда!
Выстроилъ бы себѣ избу, сапоги бы
купилъ съ наборомъ, гармонію; пи-
роги бы каждый день сталъ ѣсть.
Зажилъ бы припѣваючи!

Аннушка [мечтательно]. А я... я бы
себѣ бусы купила, шелковый пла-
токъ, ленту шелковую въ косу...
Пряниковъ бы себѣ купила, тѣхъ
самыхъ, что баринъ намъ въ ворота
бросаетъ. И все фла-бы, фла, фла...

Ваня. Да, хорошо богатымъ быть,
только трудно кладъ добыть. Пой-
дешь со мной ночью за кладомъ?

Аннушка. Охъ, нѣтъ, боюсь!

Ваня [смѣется]. А ты думаешь я не боюсь? Можетъ быть не меньше твоего боюсь.

Аннушка. Возьмемъ съ собой Алешу, онъ храбрый.

Ваня. Что-жъ, пожалуй, возьмемъ.

Цыганка. [выходить слѣва]. Милые, какъ тутъ пройти въ село Ивановское?

Ваня [встаетъ и показываетъ рукой направо]. Туда надо идти, все лѣсомъ; версты три будетъ отсюда.

Цыганка. Спасибо, милый. Охъ, устала, присяду [садится рядомъ съ Аннушкой].

Ваня. Коровъ пора домой гнать [трубитъ въ рожокъ и идетъ направо въ глубину].

Цыганка [Аннушкѣ]. Ишь, красавица какая! Моя Стеша такая же была: чернобровая, глаза черные... Да померла!... [вздыхаетъ]. Ты изъ этой деревни?

Аннушка. Да. Я сирота, у тетки живу.

Цыганка. Небось, худо сиротѣ жить?

Аннушка. Всяко бываетъ. Да недолго имъ надо мной командовать: скоро уйду отъ нихъ...

Цыганка. Куда уйдешь?

Аннушка. Куда захочу, туда и уйду.

Цыганка [скидываетъ платокъ съ плечъ и Аннушка съ любопытствомъ разсматриваетъ ея бусы и монисты на шеѣ].

Аннушка. Ты цыганка?

Цыганка. Да. Что ты на меня такъ смотришь? Бусы мои понравились? Такъ куда же ты уйдешь изъ дома?

Аннушка. Одна жить буду. Никто не будетъ меня заставлятъ ра-

ботать... Накуплю себѣ нарядовъ, сластей...

Цыганка [смѣется]. Покажи-ка мнѣ руку? [разсматриваетъ]. Счастливая будешь, талантливая... Вотъ что, дѣвушка, жаль мнѣ тебя... Очень ты на мою Стешу похожа... Пойдемъ со мной. Хорошо тебѣ будетъ у меня жить: работать заставлятъ не буду, научу пѣть наши пѣсни, плясать; наряжать буду, какъ царевну. У меня въ сундукѣ много всякаго добра. Смотри, дѣвушка, я старуха, а сколько на мнѣ колець да серебряныхъ денегъ, а у тебя еще больше будетъ. Зимой повезу тебя въ городъ, будемъ съ тобой ходить по домамъ: я за гаданье, а ты за пѣсни да за пляску много денегъ заработаемъ...

Аннушка. А бить не будешь?

Цыганка. У насъ не бьютъ.

Аннушка. И ты все это правду говоришь, и про городъ и про наряды?

Цыганка. Все правду, милая. Такъ идешь со мной?

Аннушка. А тетка какъ же?

Цыганка. Что тетка, у ней есть свои дѣти?

Аннушка. Есть, двое.

Цыганка. Ну, вотъ пусть она съ ними и остается. Что же, идешь со мной?

Аннушка. Страшно что-то.

Цыганка. Глупая, ты поживи только. Не понравится, худо покажется, такъ уходи: держать насильно не буду.

Аннушка. Пойдемъ! [встаетъ].

Цыганка [беретъ ее за руку]. Пойдемъ скорѣе, а то пожалуй придутъ тебя искать... [уходятъ].

Аксинья и Алеша [выходятъ слѣва].
Аннушка, Аннушка!.. Гдѣ ты? Иди, тебя тетя зоветъ! [Проходятъ направо].

Занавѣсъ опускается.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ. [Черезъ пять лѣтъ].

Цыганскій таборъ. Деревья, между которыми бѣлѣютъ палатки. Горитъ костеръ, вокругъ котораго сидятъ цыгане. Налѣво у палатки сидятъ старая цыганка и Аннушка. Старая цыганка спитъ.

Аннушка. 5 лѣтъ не была я на родимой сторонѣ, а будто только вчера ушла отсюда [оглядывается]. Каждый кустикъ здѣсь знакомый. Сюда бывало ходила я съ подружками собирать грибы и ягоды, отсюда и въ таборъ убѣжала. Глупая была, капризная... Промѣняла родной домъ на бродячее цыганское житье... Много слезъ я пролила за эти пять лѣтъ, да слезами горю не поможешь: сама захотѣла, никто не гналъ... [задумывается].

Старая цыганка. Стеша, а Стеша... гдѣ ты?

Аннушка. Я здѣсь, матушка.

Цыганка. Что же ты тутъ сидишь? Иди ужинать.

Аннушка. Не хочу.

Цыганка. А я заснула было. Куда мы заѣхали? Точно мѣсто мнѣ знакомое.

Аннушка. Нѣтъ, кажется, мы тутъ еще не бывали.

Цыганка. Пойду къ костру, погрѣю старыя кости [уходитъ].

Аннушка. Хорошо, что забыла... А то пожалуй не видать бы мнѣ моихъ родныхъ. Никому не говорю я о

своёмъ горѣ, всѣ эти цыгане думаютъ, что я давно забыла своихъ родныхъ, а какъ подумаю, что можетъ быть завтра увижу ихъ всѣхъ и тетушку, и Алешу и Сашу,—такъ сердце и перевернется отъ радости... Какъ посмотрю я имъ въ лицо? Какъ покажусь имъ въ этомъ нарядѣ?... Стыдно мнѣ, стыдно... Въ деревнѣ теперь всѣ на работѣ, въ поляхъ, а мы, цыгане, пойдёмъ туда милостыню просить... Только и умѣютъ цыгане, что пѣть, плясать, да людей обманывать... А если меня узнаютъ подружки, увидятъ, какъ я хожу по домамъ за милостыней... Нѣтъ, нѣтъ, я прямо пойду къ тетушкѣ, встану на колѣни и буду прощенья просить!.. [плачетъ].

[У костра слышны звуки гитары. Цыганъ встаетъ передъ костромъ и поетъ. Слѣва выходятъ господинъ съ дамой. Цыгане окружаютъ ихъ.]

Старая цыганка подходитъ къ нимъ.]

Старая цыганка. Хочешь погадаю, красавица? Всю правду тебѣ скажу, посеребри цыганкѣ ручку... [дама даетъ денегъ]. Ахъ, милая, какая у тебя счастливая судьба... Долгая будетъ жизнь твоя, печали-горя знать не будешь.

Цыгане. Прикажете попѣть - поплясать, хорошіе господа?

Господинъ. Попляшите, а мы посмотримъ. [Отходятъ направо].

Цыганка. Стеша, Стеша!

[Аннушка подходитъ къ костру и кланяется гостямъ. Хоръ цыганъ и цыганокъ, ударяя въ ладоши, начинаетъ пѣть. Аннушка танцуетъ.

Занавѣсъ медленно спускается.]

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Изба, въ глубинѣ—печь, налѣво—столъ и скамейки. Направо—окно, налѣво—дверь. Окно въ глубинѣ. Алеша и Аксинья. Алеша смотритъ въ окно.

Аксинья. Саша что-то долго не идетъ съ водой.

Алеша. Смотри, матушка, къ намъ въ деревню старая цыганка пришла. Дѣвушки ее окружили, она имъ гадаетъ.

Аксинья. Охъ, не люблю я цыганъ. Все думается, что они увели мою Аннушку.

Алеша [оборачивается]. Какая ты право, матушка. Вѣдь Ваня пастухъ говорилъ намъ, что съ Аннушкой разговаривала простая женщина.

Аксинья. Да, много онъ понималъ тогда. Это навѣрное была цыганка. [Входитъ Саша съ коромысломъ на плечѣ. Ставитъ ведра на полъ у печки]. Точно сквозь землю дѣвочка провалилась... Охъ, горе мое... Не могу забыть Аннушку.. Сестра покойная поручила ее мнѣ, а я не могла сохранить сироту. Правда, я ее строго держала, такъ вѣдь хотѣлось, чтобы хорошая, работающая дѣвушка вышла. Добра я ей желала... [вздыхаетъ].

Саша. Полно вздыхать, матушка. Слезами горю не поможешь.

Алеша. Къ намъ цыганка идетъ, старая-престарая.

Аксинья. Можетъ быть она и увела мою Аннушку.

Цыганка [въ окно.] Здравствуй, милый, здравствуй, голубь. Дай старухѣ милостыньку, а я тебѣ погадаю, поворожу... [Саша подходитъ къ брату]. Потѣшь и ты, красавица, старуху, дай чайку-сахарку, выгадаю тебѣ жениха хорошаго, русую головушку...

Аксинья. Подайте ей кусокъ пирога, дѣтки, и пусть она уходитъ.

Саша [подаетъ цыганкѣ пирога]. Иди, иди съ Богомъ. [Въ избу входитъ молодой цыганъ въ красномъ кушакѣ съ кнутомъ въ рукѣ].

Цыганъ. Нѣтъ ли продажныхъ лошадей, хозяйка?

Аксинья. Нѣтъ, батюшка, продажныхъ. Одна лошадь у насъ, такъ самимъ нужна.

Цыганъ. А можетъ быть перемѣнить захотите? У насъ въ таборѣ много хорошихъ коней. Право, перемѣните. Приходи молодой хозяйинъ къ намъ въ таборъ лошадокъ посмотреть.

Аксинья. Спасибо, голубчикъ, ничего намъ не надо.

Цыганъ. Ну, такъ прощенья просимъ. [Уходитъ. Аксинья суетится у стола и

у печки, готовя все къ обѣду. Алеша и Саша смотрятъ въ окно. Аннушка входитъ въ избу, оставаясь въ дверяхъ и съ жаднымъ любопытствомъ осматривается кругомъ.

Аннушка. Все какъ раньше было... Тетушка-то какъ постарѣла, бѣдная. А Саша совсѣмъ красавица сдѣлалась. Не узнаютъ они меня... Такъ бы и стояла тутъ и не ушла бы. Милые вы мои, какъ могла я васъ бросить?

Алеша [оборачивается]. Аннушка, ты ли это?

Аннушка [протягиваетъ къ нему руки]. Узналъ, узналъ милый братецъ!

Аксинья и Саша [бросаются къ Аннушкѣ]. Аннушка, наконецъ-то ты къ намъ вернулась! [Обнимаются. Аксинья и Аннушка садятся обнявшись на скамейку направо, Алеша и Саша стоятъ передъ ними].

Аннушка. Родная моя, стыдно мнѣ тебѣ въ глаза смотрѣть!

Аксинья. Господи, услышалъ Ты мою молитву, вернулъ мнѣ ее!

Аннушка. Простишь-ли ты меня? Вѣдь я сама, сама отъ васъ убѣжала.

Аксинья. Нечего мнѣ прощать тебя. Только останься со мной, не уходи отъ меня.

Аннушка. Такъ не прогонишь? Возьмешь опять? Господи, радость-то какая!

Аксинья. Никому я тебя не отдамъ. Будешь ты опять моей помощницей!

Аннушка. Давно я не работала. Поучите меня.

Саша. Всему научимъ!

Аннушка. Добрая ты, Саша. А я-то какая злая была! Все завидовала тебѣ и Алешѣ. Все мнѣ каза-

лось, что тетушка къ вамъ ласковоѣ, чѣмъ ко мнѣ. А какъ вспомню теперь прежнее житье, такъ и вижу, что и меня такъ-же, какъ васъ берегли да ласкали. Раскаялась, что убѣжала, да ужъ поздно!

Аксинья. Ну, вотъ, сама видишь, будемъ теперь жить дружно, да работать вмѣстѣ! Хоть и не богато мы живемъ, да все у насъ есть. Не голодаемъ!

Аннушка. А если цыгане не отдадутъ меня?

Алеша. Не отдадутъ добромъ— станемъ съ ними судиться!

Аннушка [задумчиво]. А я-то, глупая, кладъ собиралась искать, богатой захотѣлось быть... А вмѣсто богатства чего-чего не перенесла? И голодь, и холодъ, и побои...

Аксинья. Не въ богатствѣ, дѣтки, счастье, а въ мирѣ да согласіи.

Аннушка и Алеша [вмѣстѣ]. Такъ не разстанемся больше никогда!

Саша. Будемъ жить всѣ вмѣстѣ, пока нашей жизни хватитъ...

Аксинья. Ну, вотъ и дѣло... А теперь давайте-ка на радостяхъ поѣдимъ, чего Богъ послалъ, да пошлемъ за дѣвушками. Пусть онѣ намъ попоютъ, да попляшутъ!

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Поѣсть можно и послѣ, а теперь пусть придутъ къ намъ поскорѣе дѣвушки!

Аксинья [выглядывая въ окно]. Да вотъ и онѣ...

Входятъ дѣвушки и съ ними мальчикъ съ балалайкой. Начинаются пѣсни и пляски.

Занавѣсъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЬЕСѢ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

1) Декорация лѣса устраиваются такъ: берутъ 2—3 елочки, вышиной не болѣе двухъ аршинъ, заостряютъ ихъ снизу и вставляютъ въ деревянные кресты. Чтобы крестовъ не было видно, можно задрапировать ихъ темно-зеленымъ коленкоромъ.

2) Задняя декорация — простое мѣшечное полотно или суровыя маркизы съ балкона, на которыхъ можно нарисовать самоварнымъ углемъ елки и заборъ.

По задней стѣнѣ протягивается веревка и на эту веревку накидываютъ заднюю декорацию.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

1) Костеръ изображается такъ: берутъ большой мѣдный тазъ и ставятъ на дно фонарь, который покрываютъ красной бумагой. Все это замаскировываютъ нѣсколькими полѣньями дровъ. Костеръ должны устраивать старшіе.

2) Палатки устройте такъ: привяжите къ стулу или табуреткѣ половую щетку, щетиной вверхъ и накройте все это длинной скатертью или простыней. Концы можно прикрѣпить кнопками къ полу. Такихъ палатокъ надо поставить

не болѣе двухъ и непременно въ углахъ сцены, между елочками, чтобы не загораживать мѣста.

Если есть въ домѣ мольбертъ, то онъ еще болѣе будетъ походить на палатку.

3) Цыгане и цыганки должны говорить, — отчеканивая слова, чтобы было похоже на цыганскій говоръ.

4) Одѣты цыгане могутъ быть въ обыкновенные костюмы, но у цыганокъ должны быть пестря шали черезъ плечо, на шеѣ-побольше бусъ, а на головѣ красныя платочки, повязанные низко на лобъ и концами назадъ. У молоденькихъ могутъ быть цвѣтныя шапочки съ монетами. Волосы у всѣхъ-распущены. Цыгане въ красныхъ кушакахъ и высокыхъ сапогахъ. Въ рукахъ кнуты. На головѣ высокія шапки. Ктонибудь пусть возьметъ въ руки балалайку или гитару, а играть могутъ старшіе за сеной.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Печь устройте слѣдующимъ образомъ: поставьте старыя ширмы, угломъ къ зрительному залу, набейте на нихъ гвоздиками или наколите кнопками мягкую толстую бумагу и нарисуйте на ней углемъ устье печки и кирпичи.

Отгадки головоломокъ, шарадъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 13 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: 1) Что ты спишь мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ. 2) Медвѣдь, Лиса, Заяцъ, Минога, Бѣлка, Волкъ, Крыса.

Шарадь: Колъ + ода = колода; Носъ + о + рогъ = носорогъ.

Ребусъ: На бѣ + жало об + ла + ко за + крыло со + бой мѣсяцъ нас + ту + пила тем + нота и въ изба + хъ м + ноги + ядъ + ѣв + ушки е + щетка + ли = Набѣжало облако, закрыло собой мѣсяцъ, наступила темнота и въ избахъ многія дѣвушки еще ткали.

Вѣрные рѣшенія прислали: Шета Мякишева изъ Севастополя, Ксения Слезкинская изъ Новгорода, Миля Вайнштейнъ изъ Алешекъ, Вѣра и Надя Клугень изъ Кіева, Лиза Жукова, Нина Бриксъ въ Спб., Викторинъ и Нина Швачко, Николай Постниковъ изъ Варшавы, Лева Лисенко, Сергѣй Барановъ, Миша Магитъ изъ Ливенъ, графиня Ниночка Каменская изъ Рязани, Жанне Меунигъ изъ Нижнедѣпровска, Ваня Лобовиковъ изъ Колянур. Юрій и Людмила Могилянскіе въ Спб., Ляля и Шура Ардабацкіе изъ Спб., Вѣра Шервашидзе, Гретя Соломатина, Ксения и Вова Румянцевы изъ Пскова, Zudie Smirnoff изъ Парижа (Франція), Роза Рейсеръ изъ Шполы, Петя Степановъ, Тильда Браилловская изъ Баку, Ксения Лаврентьева изъ Ключей, Марина Петрова изъ Валдайки, Н. П. изъ Ростова-на-Дону, Андрюша Федотовъ-донской казачокъ, Жоржъ Межакъ, Ксения Федотова, Оля Петрова-Степанова въ Спб. Евва Бабаджанъ изъ Оеодосіи, Оеда Мазо изъ Алешекъ, Сережа Бровцевъ въ Спб.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y.

APR 11 1900

30000

NEW YORK

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y.

APR 11 1900

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **1 руб. 90 коп.**

Подписка принимается: въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“. **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3,** и въ книжныхъ магазинахъ: «**Новаго Времени**» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

✎ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ✎

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

